

2. Кримський С. Б. Про софійність, правду, смисли людського буття С. Б. Кримський // Збірник науково-публіцистичних і філософських статей. — Київ, 2010. — 464 с.
3. Малахов В. Людяність як межа моральна цінність за умов сьогодення / Малахов В. — Режим доступу: <http://culture.org.ua/archive/article-04-2008>
4. Топольський Є. Як ми пишемо і розуміємо історію. Таємниці історичної нарації / Є. Топольський / пер. з польськ. Надії Гончаренко, наук. ред. Юрія Волошина. — Київ : К.І.С., 2012. — 400 с.
5. Филоненко А. С. Холокост в Украине и педагогика благоговения: вызов насилия и истоки доверия [Текст] / А. С. Филоненко // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Серія Теорія культури і філософія науки. — 2009. — № 860. — С. 180-187.
6. Философский энциклопедический словарь. — М. : ИНФРА-М, 2001. — 576 с.

Халапис Алексей Владиславович - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и политологии Национальной металлургической академии Украины

УДК: 130.3

ГОСУДАРСТВО И БУДУЩЕЕ

В статье поднимается вопрос о тенденциях современного развития человечества вообще, место, которое в будущем займет государство – в частности. В качестве гипотезы выдвигается предположение, что наиболее адекватной формой исследования государства будущего будет рассмотрение эволюции лидирующих в метафизическом смысле обществ. На основе анализа трансформации контроля над источниками власти и изменения роли творческого деяния, автор приходит к выводу о снижении роли государственных образований в культурно-исторической жизни человечества и о возможном их исчезновении в обозримом будущем.

Ключевые слова: государство, будущее, культура, власть, метафизика, история.

ДЕРЖАВА І МАЙБУТНЄ

У статті піднімається питання про тенденції сучасного розвитку людства взагалі, місце, яке в майбутньому займе держава – зокрема. В якості гіпотези висувається припущення, що найбільш адекватною формою дослідження держави майбутнього буде розгляд еволюції лідируючих в метафізичному сенсі суспільств. На основі аналізу трансформації контролю над джерелами влади і зміни ролі творчого діяння, автор приходять до висновку про зниження ролі державних утворень в культурно-історичному житті людства і про можливе їх зникнення в найближчому майбутньому.

Ключові слова: держава, майбутнє, культура, влада, метафізика, історія.

STATE AND FUTURE

The article raises the question of the modern trends of development of mankind in general, a place that will take in the future state – in particular. As a hypothesis suggests that the most appropriate form of research state of the future will be to consider the evolution of the leading companies in the metaphysical sense. Based on the analysis of transformation of control over the sources of power and the changing role of the creative act, the author comes to the conclusion that reducing the role of public education in the cultural and historical life of humanity and of their possible failure in the foreseeable future.

Key words: state, future, culture, power, metaphysics, history.

Актуальность. Эпоха глобализации оказывает колоссальное влияние на многие

стороны человеческой деятельности, в том числе – и на формы организации общественного бытия. Поэтому при принятии решений в той или иной сфере следует иметь в виду трансформационный потенциал социальной реальности, а не полагаться целиком и полностью на отработанные приемы, которые неплохо себя зарекомендовали в прошлом. Это последнее обстоятельство может иметь значение, но лишь как информация к размышлению, а не как руководство к действию.

Поступки иных государственных мужей, которые еще полвека тому назад воспринимались бы как образец державной мудрости и проницательности, ныне могут восприниматься как совершенно неадекватные новой реальности; неудивительно, что и ответная реакция на действия «застрявших в прошлом» для них самих кажется нелепой и даже обидной. Подобно тому, как видимые нами сейчас галактики отражают положение дел, которого *уже нет*, так и в социальной реальности можно наблюдать феномены, которых, по всем расчетам быть *уже* не должно, а они, каким-то образом – *есть*. Наиболее показательны в этом плане «застрявшие в прошлом» народы. Я имею в виду не тех обитателей пустынь и прерий, которые вполне укоренились в «своем» времени, не испытывая по этому случаю никакого дискомфорта, а о тех, чьи действия в «одном» времени вступают в противоречие с собственным сознанием, живущим во времени «другом».

Дабы не оказаться безнадежно архаичным перед лицом стремительно наступающего будущего, необходимо не только отслеживать происходящие процессы, но и осмысливать лежащие в их основе тренды.

Степень разработанности проблемы. Прогнозирование грядущего – дело сложное и неблагоприятное, почти всегда вызывающее у кого-то скепсис и всегда рискующее оказаться ошибочным. Это мысленный эксперимент, адекватность которого зависит от корректности принятых допусков и уровня нестабильности системы в настоящем. Тем не менее, нет недостатка в подобном рода исследованиях, что даже привело к становлению особой сферы знания – «науки о будущем» (эпистемологический статус футурологии все еще остается не вполне определенным, но сам факт ее появления является достаточно показательным). Впрочем, действительно знаковых работ по этой теме не так уж много. Среди их авторов можно назвать О. Шпенглера, А. Дж. Тойнби, А. Вебера, П. Сорокина, С. Хантингтона, Э. Тоффлера, Ф. Фукуяму, Дж. Ная, П. Бьюкенена, А. Назаретяна и др.

Целью предлагаемой вниманию читателей статьи является определение исторических перспектив государства.

Итак, какую роль будет играть государство в обозримой перспективе? Чтобы представить государство будущего, следует выявить меру контроля источников власти со стороны государства настоящего. Но здесь возникает методологическая проблема, связанная с определением «государства настоящего». О каком государстве допустимо вести речь?

Можно принять одно из реально существующих государств в качестве образца или «эталона», провести исследование на его примере, а затем полученный результат распространить на все остальные объекты того же типа. Сложность заключается в том, что отношения власти уникальны в каждом обществе, поэтому обнаруженные в одном из них явления могут отсутствовать (или присутствовать в совершенно иных формах) в других государствах. Многие недоразумения в социальной мысли связаны с тем, что рассуждающий на уровне высоких абстракций теоретик на деле не осмеливается выйти за рамки собственного социокультурного топоса, которому приписывается эталонность бытия (соответственно, «инаковость» означает при таком подходе «ущербность»). Подобный метод не кажется мне достаточно конструктивным.

Можно пойти по пути создания утопии, т.е. смоделировать то, каким должно быть государство, чтобы удовлетворять политическим, социальным, этическим и т. п. убеждениям и вкусам теоретика. Утопии и антиутопии иногда помогают разобраться в проблемах настоящего, но в данном случае такой подход также неприменим.

Впрочем, дает ли вообще адекватную картину исследование одного (реально существующего или спекулятивно помысленного) государства? Может быть (для того, чтобы

в модель было заложено как можно больше переменных) правильной было бы проследить тренды развития многих таких образований? Но и здесь не все однозначно. Даже изучение истории и культуры многих (в лимите – всех) государств не обеспечит решения проблемы, поскольку даже будучи осуществленным (в принципе, подобные задачи могут ставиться перед крупными научными коллективами), такой замысел мало бы способствовал делу создания целостной и удобоваримой картины будущего, ибо далеко не факт, что все государства развиваются по одним и тем же алгоритмам.

Из сказанного следует, что проблема в такой постановке быть решена не может. Повидимому, к ней следует подойти с другой стороны.

Государства отличаются между собою по характеру и уровню культурного, политического, экономического, военного и т. д. развития. Стало быть, релевантные объекты не тождественны друг другу, а находятся на разных этапах эволюции, причем нет никаких гарантий, что это есть этапы одной эволюции. Проходя с неизбежностью через «точки бифуркации», социальные системы могут круто менять векторы своего развития (впрочем, могут и не менять, или менять, но не круто).

Однако если некий путь уже кем-то пройден и пройден успешно, сам этот факт создает определенные преимущества данного пути перед остальными возможными, поскольку дух, в конечном итоге делающий здесь ключевой выбор, ничего не забывает из своего опыта. К тому же, миновавшие некий рубеж общества проявляют заинтересованность в нем, влияя, так или иначе, на скорость и характер прохождения его другими участниками всемирно-исторического процесса (при наличии, понятное дело, соответствующих контактов в пространстве и / или во времени; для этапа глобализации эти требования, особенно в плане пространственных контактов, выполняются «автоматически»). Следовательно, наблюдая за развитием лидирующих обществ, можно с большой долей уверенности предполагать, что и другие государства будут эволюционировать в направлении их состояния, хотя, конечно, вовсе не обязательно повторять их путь. Топосы лидеров выступают, стало быть, в роли аттракторов, к которым разными путями, вольно или невольно, прямо или окольно стремятся «все остальные».

Какие общества считать лидирующими? С позиций экономики вопрос решается достаточно просто. Здесь за основу берутся такие показатели, как ВВП, ВНП и т. д. С точки зрения международной политики вопрос будет стоять в несколько иной плоскости, но также не представляет большого труда определить перечень лидирующих обществ. Для метафизики экономические, равно как и геополитические факторы уже не будут играть ключевую роль. Ей необходимо сформулировать свои критерии, которые задаются базовыми метафизическими же категориями.

С целью собственного самоутверждения и самопознания дух, действующий посредством той или иной культурно-исторической общности, создает уникальный онтологический проект, отражающий его видение бытия. Для него этот проект (как его произведение) будет привлекательным по определению. Но бывают ситуации, когда этот проект вызывает интерес и у других общностей. У них есть свои проекты, при отказе от которых каждая из них перестала бы быть самой собой. Поэтому в большинстве случаев они и не отказываются целиком и полностью от собственных проектов, но, тем не менее, проект какого-то одного духа приобретает для них особое значение, становясь фактором уже их собственного развития. То есть, проект духа может иметь привлекательность не только для него самого, а и для других духов, которые, более или менее сознательно пытаются ему следовать и подражать. Это то, что Дж. Най назвал «мягкой властью» [14]. Общество, создающее такой привлекательный проект бытия, можно назвать лидирующим в метафизическом смысле.

Нетрудно заметить, что в значительной степени списки обществ, лидирующих в экономике, международной политике, а также представляющие для других обществ привлекательные проекты бытия, во многом пересекаются. Это и не удивительно. Лишь государства, экономически развитые, могут играть ключевые роли в международной

политике, и лишь они, доказав эффективность своего пути развития, могут служить моральным авторитетом и примером для других. И все же, списки эти не вполне тождественны.

Так, привлекательным в плане заимствования может быть лишь экономически сильное государство, но не каждое из них становится лидером в метафизическом смысле. Например, Южная Корея, Тайвань или Сингапур экономически довольно сильны, но не имеют большого влияния на мировую политику и не оказываются моральными лидерами для других государств; Китай или Индия имеют очень солидный экономический потенциал, будучи региональными лидерами, играют заметную роль в мировой политике, однако занимают довольно скромное место в выработке стандартов и идеалов культурно-исторической деятельности. Моему критерию соответствуют, пожалуй, только страны Запада, экономически сильные, политически могущественные и метафизически привлекательные.

Во избежание возможных недоразумений, поясню последний тезис. Как бы ни относиться к факту проявляющегося в самых разных формах западного культурного влияния, трудно отрицать сам по себе этот факт. Я не буду давать ему оценку, но отмечу, что ни одна другая из ныне существующих цивилизационных общностей в этом с Западом соперничать не может. Факт культурного влияния (безотносительно к характеру влияния и его оценке) для метафизики является определяющим при выявлении лидирующих обществ. Поэтому будет правильным, если метафизика истории в качестве модели государства будет использовать именно западные общества, тем более что фактически если и не формы власти, то политические стандарты, выработанные на Западе, постепенно утверждаются в качестве всеобщих стандартов.

Итак, вернемся к контролю над основными источниками власти. В работе Элвина Тоффлера «Метаморфозы власти» как таковые названы насилие, богатство и знание. При этом американский футуролог отмечает, что по своей значимости для институтов власти насилие доминировало в доиндустриальную эпоху, богатство – в индустриальную, а в формирующуюся информационную эпоху приоритет переходит к знанию, которое дает власть «высочайшего качества» [10, с.575].

Мне представляется, что Тоффлер слишком широко трактует понятие «власть», употребляя его в одном и том же смысле для характеристики разных явлений. Скажем, власть тирана над населением принципиально отличается от власти владельцев супермаркетов над производителями товаров, и эти отличия не сводятся к источнику власти (в первом случае – насилие, во втором – информация, получаемая посредством считывания сканером штрих-кода на продукции). Но в целом концептуальные положения Тоффлера можно принять за основу дальнейшего анализа.

В какой степени государство (как выше было сказано, я имею в виду «лидирующие» структуры этого типа) контролирует эти источники власти? Хотя оно сопричастно всем трем источникам власти, степень контроля над ними оказывается разной.

Что касается знания (или даже более широко – информации), то государственный контроль над ним (СМИ, Интернет, система высшего образования, печатная продукция разных жанров и т. д.) представляется весьма слабым (намерение государства контролировать эту сферу воспринимается как покушение на ключевую либеральную ценность – свободу), и уж тем более не монопольным. Более жестко государство контролирует информацию, в той или иной степени связанную с национальной безопасностью, но и здесь о монополии говорить не приходится, поскольку фактически каждая крупная организация, национальная и транснациональная корпорация имеет свою закрытую информацию (защитой которой, как правило, занимается специальное подразделение), причем эта информация закрыта не только от конкурентов, но и от государства.

В большей степени контроль государства проявляется в экономической сфере через систему налогового законодательства, государственных заказов, субсидий, льгот, регулирование банковской деятельности, эмиссию национальной валюты и т. д. Плюс к этому, государство выступает как крупный собственник, и во многих странах доля

государственной собственности весьма существенна. Но монопольное положение государства в экономической сфере значительно девальвируется ввиду его включенности в мировое экономическое пространство, вследствие чего оно уже не может устанавливать «правила игры» по своему усмотрению. В значительной мере прерогатива установления этих «правил» переходит к негосударственным и надгосударственным органам. Соответственно, и здесь происходит диффузия власти и «размывание» суверенитета государства.

Отчетливей всего монополия государства проявляется в сфере организованного применения насилия, и даже наличие в стране частных охранных служб не может поколебать его монополии, поскольку негосударственные структуры имеют право на силовые действия лишь в исключительных случаях и только в пределах компетенций, очерчиваемых государством. Впрочем, и здесь не все однозначно. Обсуждение этой проблемы выходит за рамки данной работы; здесь же важно отметить тот принципиальный факт, что при некоторых обстоятельствах право государства на применение насилия может быть ограничено, вплоть до возникновения ситуации, когда это право оспаривается (как посредством внутренних механизмов, например, революций, так и внешних, например, посредством экономических санкций или даже вооруженных интервенций).

Вырисовывается следующая схема. Государство ныне не обладает абсолютной монополией ни на один источник власти, но при этом оно в наибольшей степени контролирует «доиндустриальный» источник, и в наименьшей – «информационный». Между тем, реальная власть, в этом можно согласиться с Тоффлером, все менее означает контроль над осуществлением насилия, и все более – контроль над информацией. Судя по характеру отмеченной тенденции, государство и далее будет терять контроль над источниками власти, причем диспропорция в степени контроля сохранится.

Таким образом, роль государства как организующего начала культурно-исторической жизни людей будет неуклонно снижаться. Альфред Вебер также полагал, что «...государство... понесет значительные утраты... в приданной ему со времен Бодена внешней суверенности; как большие, так и малые государства будут вынуждены уступить свои права частично стоящим вне прежней государственности международным организациям и формам, частично надгосударственным, рассматривающим политические вопросы, подлинно политическим объединениям. Придет время совершенно новых политических форм, настолько же отличных от тех, которые развивались в Европе с XV в., насколько те отличались от предшествовавших им, в сущности догосударственных средневековых образований» [2, с.383].

Среди факторов, которые способствовали появлению этого тренда, я особенно выделю изменение статуса творческого деяния. О чем идет речь?

Чтобы общество существовало как система, должны быть в наличии системообразующие элементы, обеспечивающие трансформацию энергии (мысли и воли, прежде всего) отдельных членов в общее дело. Поскольку же общество есть система динамическая и саморазвивающаяся, оно не только нуждается в поддержании *status quo*, но вынуждено каким-то образом решать актуальные проблемы, а здесь представители творческого меньшинства выступают в качестве генераторов идей, определяющих тот или иной выбор общества, выступая от его имени.

Для творчества необходимо знание. Последнее еще не есть гарантия творчества, но, по меньшей мере, *conditio sine qua non*. Перефразируя знаменитый афоризм Ф. Бэкона, можно утверждать, что знание есть власть (кстати, некоторые так и переводят *scientia potentia est*). Именно поэтому на ранних стадиях развития общества творческое меньшинство и правящее меньшинство – это почти одно и то же. Кесарь есть одновременно жрец, судья и военачальник. Во все времена правители стремились сохранить за собой монополию на знание, держа под своим контролем, соответственно, и возможность творчества. Чем более им это удастся, тем более священной и непостижимой власть представляется в глазах подданных. Сакрализация власти происходит не только в прямо постулирующих ее божественный характер обществах, но и в любой тоталитарной державе, где правитель если

и не имеет прямой божественной санкции, то обладает сверхъестественной мудростью и т. п. (зачастую «вождь» одновременно «учитель»); мало меняется суть дела в случае, если функции правителя выполняет правящая организация).

Социальная система не может существовать без некоего компромисса между творческим деянием (творческой свободой) и принятыми в данном обществе и в данное время нормами. Отсутствие образования у большинства населения в традиционном обществе решает проблему устойчивости, но предоставляет ему весьма ограниченный человеческий ресурс для интенсивного развития. Сакрализация власти происходит в условиях, когда ее представители пользуются немислимыми для большинства населения полномочиями, которые сводятся к возможности принятия решений на основе закрытой (эксклюзивной) информации.

В условиях массовой образованности акценты смещаются. Происходит дифференциация социальной деятельности, следствием чего оказывается разделение функций принятия решений, управления информационными потоками и т. д. между разными институтами и разными носителями. Соответственно, в открытом обществе десакрализация власти происходит вследствие лишения правителя и окружающих его «лучших людей» монополии на знание и творчество. Фактически каждый член общества получает шанс, хотя воспользоваться им выражает желание, конечно, далеко не каждый. Духовная иерархия при этом уже выстраивается на основе не столько социального положения, сколько личностного экзистенциального выбора и воли к творчеству.

Это, в частности, означает, что рост образованности населения логически (фактически это происходит с большим трудом, перерывами, откатами назад) приводит к открытости общества, при котором органы политического управления все более приобретают сугубо административно-хозяйственный характер, лишаясь прерогативы тотальности принятия решений. В условиях информационного бума, сакрализация одного из элементов общественного механизма – института власти – все более становится анахронизмом, а проблема получения информации отходит на второй план, уступая место проблемам анализа и эффективного ее использования, где институты власти выступают уже не как монополисты, а лишь как участники процесса, в каких-то вопросах кооперирующиеся с другими участниками (например, транснациональными корпорациями, финансово-промышленными группами, общественными организациями, научными коллективами и т. д.), а в каких-то – конкурирующие с ними; при этом, государство все меньше контролирует это «постиндустриальный» источник власти.

Вывод. Итак, чем выше информационная плотность общества, тем более оно «открыто», и тем меньшую роль в его развитии играет политическая элита. Если в традиционном жестко иерархизированном обществе вектор развития (социального, духовного, политического, геополитического и т. д.) в значительной степени (хотя никогда – полной мерой) определяется политической элитой (собственно, поэтому не лишены определенного смысла отождествления исторических этапов с правителем (режимом) и проводимой им политикой), то в открытом информационном обществе влияние политической элиты на метафизический выбор общества становится все меньше, а его развитие перестает жестко зависеть от креативности отдельных политиков и чиновников.

Политическая власть – неотъемлемая и важнейшая составляющая государства. С девальвацией политической власти государство также неизбежно теряет свою инициативу, уступая место другим формам человеческой деятельности и коммуникации, формам, которые ныне лишь появляются. Нравится это кому-то, или нет, но эпоха государств подходит к концу. Если они и доживут до XXII века, то будут играть сугубо декоративную роль, – выражая более ностальгический идеал, нежели имея фактическое значение.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бьюкенен П. Смерть Запада / П. Бьюкенен; [пер. с англ.]. — М.: АСТ, 2003.

2. Вебер А. Прощание с прежней историей // Вебер А. Избранное: Кризис европейской культуры; [пер. с нем.]. — СПб.: Университетская книга, 1999. — С. 375-536.
3. Назаретян А. П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории: Синергетика, психология и футурология. — М.: ПЕР СЭ, 2001.
4. Сорокин П. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений; пер. с англ. — СПб.: РХГИ, 2000.
5. Тойнбі А. Дж. Дослідження історії / А. Дж. Тойнбі; [пер. з англ.]. — К.: Основи, 1995. — Т. 1.
6. Тойнбі А. Дж. Дослідження історії / А. Дж. Тойнбі; [пер. з англ.]. — К.: Основи, 1995. — Т. 2.
7. Тойнби А. Дж. Постижение истории / А. Дж. Тойнби; [пер. с англ.]. — М.: Прогресс, 1991.
8. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории / А. Дж. Тойнби; [пер. с англ.]. — М.: Прогресс-Культура, 1996.
9. Тоффлер Э. Футурошок /Э. Тоффлер; [пер. с англ.]. — СПб.: Лань, 1997.
10. Тоффлер Э. Метаморфозы власти /Э. Тоффлер; [пер. с англ.]. — М.: АСТ, 2003.
11. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций /С. Хантингтон; [пер. с англ.]. — М.: АСТ, 2003.
12. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории /О. Шпенглер; пер. с нем. — М.: Мысль, 1993. — Т. 1.: Гештальт и действительность.
13. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории /О. Шпенглер; [пер. с нем.]. — Мн.: Попурри, 1999. — Т. 2.: Всемирно-исторические перспективы.
14. Nye J.S., Jr. The Changing Nature of World Power // Political Science Quarterly. — № 105 (Summer 1990). — P. 181-182.

Цибра Микола Федорович – доктор філософських наук, професор кафедри філософії та соціології Державного закладу «Південноукраїнський національний педагогічний університет імені К. Д. Ушинського»

УДК: 140.8 + 378

ОСВИТА ЯК МЕГАТРЕНД СУЧАСНОГО СВІТУ: СУСПІЛЬНІ РЕАЛІЇ ТА НЕОБХІДНІСТЬ ТРАНСФОРМАЦІЇ

В статті наголошується, що освіта виступає характерологічним, соціальним, ціннісно-методологічним чинником, який відстежує архітектоніку та сутність нової інформаційної цивілізації. Революція гідності, європейський вектор розвитку надають таку перспективу. Потрібна трансформація суспільства через зміну системи цінностей у цілому.

Ключові слова: освіта, мегатренд, цінність, трансформація, парадигма.

ОБРАЗОВАНИЕ КАК МЕГАТРЕНД СОВРЕМЕННОГО МИРА: ОБЩЕСТВЕННЫЕ РЕАЛИИ И НЕОБХОДИМОСТЬ ТРАНСФОРМАЦИИ

В статье акцентируется, что образование выступает характерологическим, социальным, ценностно - методологическим условием, которое отслеживает архитектуру и сущность новой информационной цивилизации. Революция достоинства, европейский вектор развития предоставляют такую перспективу. Нужна трансформация общества через смену системы ценностей в целом.

Ключевые слова: образование, мегатренд, ценность, трансформация, парадигма.

EDUCATION, AS MEGATREND OF THE MODERN WORLD : PUBLIC REALITIES ARE A THAT NECESSITY OF TRANSFORMATIONS

In the article accented, that education comes forward characteristic, by a social, value-metodolog systematik condition that watches architectonics and essence of new informative